

Ари ВОЛОХОНСКИЙ

П О Э М Ы О Б О Д Н О М

ЧЕТЫРЕ ПОЭМЫ ОБ ОДНОМ

Греша Гур

26.12.82

Двое
Аввакум
Одно око
Последняя видимость

Д В О Е

Они ушли, оставив снаряжение
И множество своих друзей
Вокруг золы вечернего огня.
Вокруг светало. Первое движение дня
Уже вставало около вершин
А выше их никто не подымался
Поэтому там не было тропы
Упали лошади, им сделали гробы,
Упав на скалы вертолет сломался
И схороня крылатого коня
Они пошли навстречу взмахам дня

Печальных похорон летучего железа
Не вышла на порог безумная слеза
Протек ли бак ли, винт был кем-то срезан
А может быть виной тому гроза -
Но он погиб как будто был животным
Из слов пустых "сломался вертолет"
Из них иллюзий желтоватый плод
Рождает бабочку - пример сердцам холодным
В уменьи жертвовать друзьями и самим
Собою ради прихоти каприза,
Природа как бы сделала живым
Его, дабы погибель механизма
Зажгла костер, столбом поставив дым

Подуло с запада - и нету мотылька
Пыльца сошла с блестящего металла
Двойная смерть - прибора и зверька
Их продвиженье в гору задержала:
Упавший жук их задавил козу
Проверить бак или винить грозу
В хищении железного пегаса?
Конец один - четыре смерти сразу
День-Фортинбрас еще лудил кирасу
И в этот миг как будто по приказу
Из свода выпал юношеский серп.
Их было двое : Хиллари и Шерп.

Хиллари:

Послушай, Шерп, ты видишь эти скалы?
Возьми веревку, палку передай,
Уж день настал, как все прекрасно стало.
Взгляни - там ледяная борода
Начальный луч стократно преломила,
Здесь - призмы скал из каменных акул
Торчат, торчат. Дай мне походный стул:
Хочу я посидеть. Как все здесь мило!
Весь горизонт - как белая пила.
Жаль конь погиб - окрестность мне мила.
Жаль нет коня - проклятая кобыла!
Смотри, мой Шерп, как хорошо кругом.
Приятно мне, но дышится с трудом -
И вот полупрозрачными шарами
Туман понесся к лону облаков,
Кипя по щелям бледным молоком -
Тогда качая стройными ногами
Над банками набитым рюкзаком,

Промолвил Хиллари:

Возможно ли тайком
Вершить великое? Всегда бывает пена
Щипит ли чай, родилась ли звезда
Цветочек мал, но пахнет резеда
Нескромно вторя воздуху вселенной
Рычит комар, вонзая храбрый зуб
И воет ветер, зная про грозу.

Французский летчик Сент-Экзюпери
Прекрасно говорит на эту тему
Он много раз об этом говорил:
Стремленье ввысь всегда рождает пену
И много хладнокровных Афродит
Со временем та пена породит.
Ведь некогда сей юный Антуан
В пустыню пал с останком самолета
Там бедуин давно не ставил стан.
Но Антуан сбежал из переплета
Теперь уже не помню право как
Но в каждом слове из его страницы
Сидит, как первобытный крик макак
Великое томленье устремиться
Сорваться ввысь подальше от земли -
Так говорит нам Сент-Экзюпери.

Смолк Хиллари. И смолкло бормотанье
Снегов, тумана и других стихий
Светила раскаленное мечтанье
Всосало в дно стеклянные стихи
Извечных льдов. Инейное сиянье
Метнулось львами к ярким ледникам
Там - к солнцу, после - снова к облакам
И смолкло все - лишь Шерпа воркованье
Комками пара пало в тишь снегов
Клубясь по углубленьям их следов.

Шерп :

Кожа неба - шкура бубна
Слово неба - гомон водный
В темя бога свергнут Гангом
Темя бога - школа танца
Шаганьям Ганга - великана - ледника
Бог влитый в кокон молока
Рек облаком торжественных купаний
И слово медленных падений и ступаний
Застыло льдом в тугой кимвал -

Он так довольно долго толковал
Про этот вздор беззвучных сотрясаний
И вдруг воскликнул: Хиллари о Хиллари
И глыбы лая загрели: Хиллари
О Хиллари о Хиллари о Хиллари,
И горы воя повторили: Хиллари
О Хиллари о Хиллари о Хиллари...

Шерп глупый смолк. Невразумительным обломком
Вверху мерцал хрустальный Эверест
Все реже становился воздух тонкий
От солнца отделился гневный крест
И диск его кружился бледной пленкой
Примявши палкой жалкий эдельвейс
Они пошли. Пик становился ближе
А вся земля потеряней и ниже
Казалось говорила им: Проснись
И Хиллари оглядываясь вниз
Старался удержаться альпенштоком.

А В В А К У М

Бывает так - уставятся скотом
Дойдя до гребня выпрненного тына
Но многие ли ведают о том
Насколько эта истина пустынна

И в самом деле - что такого в ней
Давно известно: крыльями не машет
Она и не поет как соловей
И что ей даже в лучших песнях наших

И в самых мыслях - там где песен звон
Чеканит грань разваренного бубна
Ей слышится наверно этот стон
Глупца что ночью с паперти не убран

Нет истины в цветах пока живешь
А как умрешь тогда все будет проще
Там соловей среди востока роз
Певучим пеплом канет в серой роще

Тогда иди тарашь свои бельма
Упреком голоса к верховной яме
Слепящие тугие письма
Вдруг заблестят в неполотом бурьяне

И этих букв невыполненный гул
Нас гонит здесь навстречу стрел и игл
Шел Аввакум от холода сутул
И от мороза ноги еле двигал

Псы околели и окоченев
Деревья оседали в мутной склянке
Он шел один почти окостенев
И нес сквозь наст почти уже останки

И вся Москва бессмысленных палат
Была забыта им. Едва гудели кости
По нищенски глядели из заплат
Его глаза железные как гвозди

Глядело солнце в черный запад - Русь
Где правил голод угольные крылья
И где молитвы плавали как ртуть
И где для казни сами ямы рыли

И где тела двухперстных стариков
Держал в земле холодный створ - Архангельск
А главы человеческих грибов
Вопили гимны словно бы на праздник

Какие головы! Одна из них на нем
Пока еще пускает пар из устья
Глухого рта, другие стали пнем
Пока их почва мерзлая не впустит

И не сожмет землистых темных губ
Над маковкой ощеренного карла
И пес привычный тщетно скалит зуб
И все ворчит, что вот она пропала

Шел жуткий лик, шагал как нож сквозь лед
Поленья ног вбивая в ямы рывин
Юродивые вправлены вперед
Стояли льдины круглые в орбитах

Он шел один единственный как перст
Чугунный перст сквозь грызь пустыни черстой
Под хрусталем нелюбящих небес
Влача весь срам страны стотысячверстной

И эта твердь не гнулася над ним
И гребень леса не смыкал зигзага
Лишь в воздухе стоял холодный нимб
Лишь на снегу не видно было шага

И ветер ветер в толоконный лоб
Идущему и бился и мяукал:
Откуда ты, бездонный протопоп?
Куда, куда остеклянел и утл?

Чего тебе, прозрачный человек
Отчаянный и ангельски пернатый,
Какие речи в странной голове
Еще звенят в котле твоём невнятно?

Гляди гляди тебя уже и нет
Смотри смотри как сведено пространство,
Зверь новый на засаленном роже -
Ты повернись, ты видишь: в мире красном

Столичный смерд дрова тебе срубил
Холуй калужский чадам сделал плаху
В мразь тех кто видел - вплавленный рубин
Их кровь на ней лежит как жидкий яхонт

Подобный крови легкий род огня
Поет тебе многоязык стремглавый
О том что пепел истины обняв
Откинут твой единственный кровавый.....

И воздух взвыл и взвился как костер
И Аввакум сверкал согнувшись вдвое
И небосвод опять над ним простер
Лицо свое и тело неживое.

ОДНО ОКО

Туда идя своей чредой
Где город - знал - вдали воздвигнут
Я как неожиданною бедой
Внезапно небом был застигнут

Бледнея, утра мрак в нем гас
Был блеск повсюду одинаков
И только сверху дикий глаз
Взирал с него без прочих знаков

Тут одаль все свернулось в вой
Став ветра пепельною плотью
Лишь на дороге предо мной
Виднелось пугало в лохмотьях

Качалась череп-голова
Седое тело тлело сухо
И вихрь выветривал слова
Из трупа Хлебникова духа

от первого вздоха:

Куда убегает вода исчезающей зелени?
О если бы око мне
О ко мне
Ком неги неожиданной
Тебе дней на дне
Дано мало
А надо много
О сом реки
Реки
Рея с мели с милой над ней
Как камней на дне
Надо много.
А надо мной мне осталось
Небо льна
Не больно-то верится:
Желтого мера
Золото мира
-Солоно мига хлебать тебе
Солнца мало
И мимо литься луны
Молиться унылой.

Дуновение новое:

Веер вех на хлебных копнах
Ветер дерева тетерев
Гребень багрян
Яркий багор-косарь
Ветви ответь -
То ли око цветков
Слитый с ликом истока ростка
Проистеканьем листвы
Вервие веры вверх
Тянуци до ночи тоньше?
- Смотрите, это солома.

И третье:

Где тела?
Ты ли они
Мы не знаем
Плесть ли плескать ли
Или петть сеть
Или суть-путь еще ища
Куда убегает вода исчезающей зелени
И так утекающей лебеди?
- А пока мы идем убегают колодцы...

С языкоуких челюстей
Чрез ропот хруст и скрип и скрежет
Был слышен звук пустых костей
От ветра в трепетной одежде

Я стал судить но верой скуп
Про что он мне проговорился
Как вдруг исчез шершавый труп
И дух вещавший испарился

И стройный град вдали пропал
И бледный вихрь вымер прерван
А горный воздуха кристалл
Застыл как будто в полдень первый

И вспомнив тот что в высях был
Я вверх свой глаз подъял невольный
Где в гул и в гибель всех светил
Сжигал их ужас треугольный.

ПОСЛЕДНЯЯ ВИДИМОСТЬ

Там где построен бледен дом
И небо клонит вниз
На небе том, на небе том
Бывает много птиц

Летает тая стая их
Бледнея их пером
На небе том что их таит
На севере сыром

Едва ж одна покинет свод
Одна из этих птах
Едва паря вмерзает в лед
Терзает птицу страх

Разбив меж век стекла уста
Во льду едва горя
Навек навек не веет там
Ни ветер ни заря

В просторе том предел для ок
Невидим ибо там
Нигде не рдел ни солнца сток
Ни звездная желта

Сеть не взлетала в млечный дым
Несмелая взойти
Как бы незрим предел воды
Терзает страх войти

Над тесным кругом серых вод
Там стынет воздух-воск
И светоч светел не плывет
Через свинцовый плес

Даже не плес - там нет волны
И хлябь как бы застыв
Пониже кажется иным
Блеснув бежать забыв

Две доли белизны вершат
Другое в небе мглой
Две доли мглы внизу лежат
Где обруч неживой

А третья доля белизны
И третья доля мглы
Расторгли нижний дом волны
И влагу что над ним

Едва светлее небеса
Едва темней вода
Едва вмерзает в лед паря
Когда не мчат ветра

Светлей небесная вода
Внизу она темней
Здесь да пребудет нетверда
Та твердь которой нет

Ибо меж век разбиты рты
Поблекшие на юг
Они не блещут вдоль черты
И звуков не поют

Во вне туманного венца
В свинцовых бубенцах
Лишь стынет серая весна
Звеня без языка.

Там молкнет серая весна
Темнея вниз едва
Тесьма от неба неясна
И птиц уносит страх

И меры нет в конце крыла
Незрим пера предел
Одни размытые края
Невнятные нигде

Там ближе даль и ниже глубь
Небес уже без птиц
Под ней пространная во мглу
Вода недвижна ниц

Та хлябь куда и гул не пал
Чтоб воздух пел в волне
Едва Единое - кимвал
По небу бьет вовне

Оно одно о дно небес
Никчемное вращать
Да птицы павшие в свинец
Исчезнувши порхать.

